

Глава 1

— Не надо мне!

— Ну, Светочка...

— Не хочу!!

— Ну ты только посмотри, ты только попробуй, как вкусно!

— Не буду!!!

Несколько дней назад я закончила довольно трудное и запутанное расследование и теперь, отдыхая от трудов праведных, сидела в кафе со своей подружкой Светкой — парикмахершей.

Это было одно из немногих кафе в нашем Тарасове, где готовили приличный кофе, и если у меня случался перерыв в работе, я частенько заглядывала сюда. Кроме кофе, здесь подавали вкуснейшие и непозволительно калорийные бисквитные пирожные. Но на этот раз я нисколько не опасалась за свои формы, ибо недавнее расследование отняло у меня столько сил и энергии, что я смело могла позволить себе не только пирожное, но даже целый торт.

Чего нельзя было сказать о Светке, которая в описываемый период времени как раз сидела на диете. Сейчас у нее был обеденный перерыв, но, вместо того чтобы нормально поесть, она заказала себе лишь стакан минералки да какой-то травы на тарелочке.

Мы беседовали.

— ...и представь, я поворачиваюсь, а там три амбала с монтировками. У меня же в руках — только косметичка...

— ...ой, не говори! А эта, вторая, такая стерва. Я, говорит, на вас жалобу напишу. Это на меня! На меня, которая никогда слова грубого... У меня от всех клиентов всегда одни только благодарности, люди за неделю записываются!..

— ...да в том-то и дело, что он — да не он. Посмотришь — вроде все на него указывает, и время, и место, и даже мотив есть, а на самом деле...

— ...и в самом деле, что я, первый день, что ли, работаю, что она меня будет учить макияж делать? Да таких, как она, по полтиннику за дюжину на любом углу навалом, а я, между прочим, профессионал, классный, между прочим, специалист. Ну неужели я от какой-то недоучившейся дуры оскорбления терпеть должна? Ну скажи, Тань?!

В общем, это был обычный женский разговор. Каждая из нас говорила о наболевшем, стремясь передать информацию и не очень заботясь о том, будет ли эта информация кем-то услышана. Вообще-то должна сказать, что, вопреки мнению некоторых скептиков, я нахожу такой способ общения весьма удобным и даже полезным. Здесь достигаются две важные цели: во-первых, человек разгружается от негативной информации и по окончании общения выходит как бы очистившимся и готовым к новым жизненным бурям, а во-вторых, и собеседник, в свою очередь, не взваливает на себя груз чужих проблем, поскольку в это время он тоже говорил, а не слушал.

Так, в синхронном режиме начиная говорить и одновременно делая паузы, мы провели довольно долгое время, и два наших монолога начали напоминать диалог только тогда, когда я решила предложить Светке пирожное. При моей работе идея диет и разгрузочных дней никогда не была актуальна, Света же просто помешана на всем этом, поэтому, желая немножко подразнить свою подругу, я смаковала пирожное и с выражением блаженного довольства на физиономии маленькими глоточками попивала кофе.

Но в своем стремлении достичь идеальных форм моя подруга была непреклонна. Созерцая аппетитные завитки шоколадного крема и вдыхая соблазнительные ароматы ванили и какао, она истекала слюной, но упорно отказывалась от пирожного и с ожесточением жевала свои листья, запивая их минералкой.

— Ах, какая вкуснятина! Сегодня они расстарались просто как никогда. Может, все-таки попробуешь? — не сдавалась я.

— Сахар — белая смерть, — бесстрастным голосом отчеканила Светка.

— Это соль — белая смерть, а сахар стимулирует умственную деятельность, улучшает настроение и повышает сексуальность. Вот попробуй — сразу почувствуешь.

— Не надо мне!

В это время в кафе появилась новая посетительница. Сначала я заметила ее краем глаза, повинувшись профессиональному инстинкту замечать все и всегда, но потом ее внешний вид и поведение заставили меня приглядеться к ней повнимательнее.

И действительно, она слишком выделялась на фоне вполне приличных посетителей респектабельного кафе. С растрепанными волосами, как попало одетая, она смотрела прямо перед собой, не реаги-

руя на окружающие предметы, и, казалось, находилась в состоянии наркотического опьянения.

Она подошла к прилавку и заказала стакан воды. На дворе стоял прекрасный солнечный июнь, и, по всей видимости, женщина зашла в кафе утолить жажду.

Обратить на нее внимание заставлял не только неаккуратный внешний вид и неадекватное поведение, но и то, что она явно не принадлежала к уважаемому сословию нищих и бомжей. Вещи, хотя и разношерстные и несколько помятые, были, совершенно очевидно, не дешевые, да и то, что, пытаясь расплатиться за стакан воды, она вытащила зеленые купюры, говорило о ее принадлежности к классу людей состоятельных.

— Хм... странная тетка, — тихо сказала я.

— Что?

— Да вон, посмотри — какая-то растрепанная баба. И на бомжиху вроде не похожа, и на нормальную не тянет.

Светка взглянула туда, куда я ей указывала, и неожиданно встрепенулась.

— Да это же!..

Больше никаких объяснений получить мне не удалось, потому что, не в силах сдерживать эмоции, моя подруга рванулась с места к витрине, где стояла странная жен-

щина, и с криками: «Алевтина Прокофьевна! Алевтина Прокофьевна!» — принялась расплачиваться за нее.

Уладив финансовые вопросы с персоналом кафе, Светка взяла женщину под руки, захватила стакан воды и направилась со всем этим к нашему столику.

— Садитесь, Алевтина Прокофьевна, садитесь с нами.

Женщина, в своем сомнамбулическом состоянии не замечая ничего, казалось, не замечала и Светку. Только окончательно усевшись за столик и отхлебнув воды из стакана, женщина вроде бы узнала Светку.

— А, здравствуйте, это вы...

— Алевтина Прокофьевна, что с вами? Что случилось? На вас лица нет!

«Да и всего остального, в общем-то...» — подумала я.

Между тем женщина уже совсем осмысленно взглянула на Светку, и вдруг из глаз ее хлынули слезы. Именно хлынули — в два ручья, а она, казалось, и не замечала их.

— Что же это такое, Светочка, а? Что же это такое делается? — говорила она, и у меня почему-то пропала охота остерить.

— Алевтина Прокофьевна! Господи! Да расскажите толком! Что произошло? Алевтина Прокофьевна. Ну нельзя же так рас-

страиваться! Ну мало ли что в жизни бывает, может, мы сможем чем-то помочь...

— Да чем уж тут поможешь, — печально и как-то обреченно сказала женщина, рукой утирая слезы.

Тут она заметила меня, и в выражении ее лица сразу появилась отчужденность.

— Ах, вы не одна, Светочка... извините, я побеспокоила вас...

— Алевтина Прокофьевна! Ну что вы говорите! Ну какое может быть беспокойство?

— Нет-нет... извините... извините, я пойду.

Женщина тяжело поднялась из-за столика, как будто на плечах у нее был стопудовый груз, и пошла к выходу.

Я вопросительно смотрела на Светку, ожидая объяснений. Отзывчивая подруга не заставила долго ждать.

— Ну чего ты уставилась-то на меня, как крокодил? — зашептала она. — Не видишь — дама не в себе?

— Вижу.

— Ну и вот... И нечего глаза таращить.

— Это кто вообще?

— Кто, кто... Никто! Клиентка моя — вот кто. Она без маникюра и макияжа за завтрак не садится, если хочешь знать.

— Я заметила...

— Прекрати! Нашлась тоже... Хазанов в юбке.

— Да чего ты разошлась? Объясни толком.

— Толком, толком... Сигареты есть у тебя?

— А здесь можно курить?

— Пойдем на улицу, все равно у меня перерыв уже заканчивается.

Мы вышли из кафе, и по дороге к своему месту работы Светка рассказала мне, что загадочная Алевтина Прокофьевна — ее постоянная клиентка, что она весьма состоятельная и респектабельная дама, прекрасно образованная, но ни дня в своей жизни не посвятившая низменному занятию под названием «ходить на работу».

— Презренный металл у нее муж зарабатывает. И причем в таких количествах, что нам с тобой, подруга, и во сне не снилось. А она все больше по части светских приемов упражняется. Ты бы видела ее: все время такая фифочка — маникюрчик, педикюрчик, всегда в курсе всех последних косметических новинок... Ей лет-то уж... точно не скажу, но в районе пятидесяти — как пить дать. А выглядела все время как картинка. Каждые две недели волосы красить приходила — чтоб ни одной седины... И что это такое могло произойти?..

И главное — баба она нормальная. Знаешь, это ведь большая редкость, чтобы человек, имея деньги, имея возможность ни в чем — действительно ни в чем — себе не отказывать, не испортился. Тем более бабы. У нас в салоне стерв-то этих... я уж насмотрелась. Украдет у нее муж из муниципального бюджета пару «лимонов» — так она уже и королева. А эта — нет. И поговорит всегда по-человечески, и вообще... Знаешь, ведь профессионализм профессионализмом, но все мы люди, все можем ошибиться... да и мало ли... неприятности, настроение плохое... Я ей однажды так волосы покрасила... Ой, даже вспоминать не хочу. Не специально, конечно, а с красками там не сориентировалась... Ну в общем, в конце концов, чтобы на человека было похоже, перекрашивать пришлось в темный тон... а она светлые тона любит... Да и не идет ей темное, но что поделаешь, если вышло что-то вообще серо-буро-малиновое. Эксперимент сделала... балда. Так она — хоть бы слово! «Ничего, Светочка, бывает». А она, если хочешь знать, по своим связям могла бы так меня турнуть отсюда, что мне не только в салонах — в городе в этом никогда бы на работу не устроиться. Уборщицей бы не взяли, не то что мастером. А она: «Ничего, Светочка». Другая бы

на ее месте... Да что говорить! Знаешь, я потом все-таки покрасила ее так, как хотела. И краски за свои деньги купила, и специально на парике сначала попробовала. Это вообще-то сложная процедура, надо было мне с самого начала на парике потренироваться... знаешь, цвета нестандартные, фиолетовый там, розовый, но все невыраженно, не ярко, а в полутонах... В общем, если умеючи взятыся, получается супер, а если не умеючи — пугало. Как у меня и вышло в первый раз... Но что же это такое случиться-то могло?

Свой прочувствованный монолог моя подруга закончила, когда мы уже были у дверей косметического салона, где она, к счастью, до сих пор еще работала благодаря снисходительности Алевтины Прокофьевны. Мы распрощались и отправились каждая по своим делам. То есть я-то отправилась отдыхать, а заниматься делами отправилась Светка. Я же твердо решила, что после такого изнурительного и напряженного трудового периода, каковым оказалось мое недавнее расследование, отдыхать я буду не меньше двух недель. И вообще, съездить бы куда-нибудь... на острова... или в Италию... А что, может, и съезжу... «на недельку до второго». Благо я могла позволить себе цивилизованный отдых.

С приятной мыслью о том, что нужно будет на днях навести необходимые справки в турагентствах, я отправилась домой.

Прошло три или четыре дня после того, как мы с моей подругой Светой отдыхали в кафе. Я успела обзвонить все мало-мальски приличные туристические агентства нашего города и, поколебавшись немного, что же мне выбрать — острова или Италию, выбрала в конце концов Египет и Красное море.

Преисполнившись приятных ожиданий, я планировала завтра отправиться в агентство покупать тур. Но телефонный звонок прервал меня в самом разгаре радужных мечтаний. «Может, не подходит?» — грешным делом подумала я и все-таки сняла трубку. Звонила Света.

— Тань! Привет! Как дела?

— Ничего. Вот собираюсь в Египет отдыхать, — с первых же слов поспешила сообщить я. Но Свету это не впечатлило.

— Да? — рассеянно переспросила она так, будто и не слышала моих слов. — А помнишь, мы с тобой в кафе встретили женщину, ты еще заметила, что она была очень расстроена?

Вот зараза! Главное — я заметила. Как будто это я притащила ее за наш столик.

Из последних сил стараясь показать, что не испытываю интереса к разговору, я очень невежливо буркнула:

— Ну?

Однако и это ничего не дало. Не обращая ни малейшего внимания на мой недружелюбный тон, Света оживленно начала свой рассказ:

— Представляешь — такой ужас! Оказывается, ее сына обвиняют в убийстве. Придумали там какие-то улики... Мальчишка только из армии пришел. А он у нее единственный сын. Представляешь?

Увы! Последние остатки сомнений и слабых надежд, что, может быть, минет меня чаша сия, улетучились. Было совершенно очевидно, что Светка хочет навязать мне свою мадам с единственным сыном в качестве нового дела как раз в тот момент, когда я еще не успела очухаться от старого. Но я решила сопротивляться до последнего, поэтому снова не была слишком многословной:

— Ну?

— Да чего ты заладила «ну» да «ну»?! У человека несчастье, а она нукает, как попугай! Парня спасти надо!

— А я-то здесь при чем?

— Танька! Ты меня не зли. Не поможешь — знай, ты мне больше не подруга.

■ И не приходи ко мне никогда, и гримиро-

вать тебя для твоих предприятий больше не буду никогда в жизни, и...

— Свет! Я всего несколько дней назад дело закончила. И какое, если бы ты знала! У меня все тело болит, у меня башка не варит, мне отдохнуть надо, я ведь тоже живой человек!

— Ну, Танечка, ну солнышко, ну золотце! Ну для меня! Я ведь тебя почти никогда ни о чем не прошу. Ну возмись! А? Ведь не шутки — убийство на парня вешают.

— Светка! Вот зараза какая... ну что мне с тобой делать?

— Возмись, Танечка! Возмись. И людям поможешь, и денежек заработаешь. Ставку свою можешь умножать на два — даже не сомневайся. Возмись, золотце! Ты же у нас умненькая, тебе же такие пустяки на один зуб. А уж потом — хоть в Америку езжай отдыхать. Чего ты там не видела в этом Египте? Там, кроме песка, ничего интересного нету. А здесь человеческая судьба решается...

Разумеется, я с самого начала знала, что она не отстанет. И даже где-то в глубине души предчувствовала, что в конце концов я соглашусь. Поэтому и не хотелось мне брать трубку. Но раз уж взяла...

— На два, говоришь?

— На два, Танечка, на два. Я же тоже понимаю — работа у тебя трудная, нервная...

— А тебе известно, каким будет мой гонорар, умноженный на два?

— Ничего-ничего... это совершенно ничего, они люди состоятельные, и потом — единственный сын... В общем, они в курсе, что качественная работа стоит дорого, я с ними эти вопросы уже предварительно обговорила.

Обговорила она... Вот наглая! Она, значит, и мысли не допускает, что я могу ей отказать. Впрочем, моя ставочка, умноженная на два, выглядит совсем неплохо, за такие деньги еще можно поработать, даже и сверхурочно.

Я записала адрес и пообещала подъехать завтра к девяти утра — о встрече эта нахалка, оказывается, тоже уже договорилась. Бывают же люди... бессовестные.

С грустью вспомнила я о своих мечтах, которые еще так недавно занимали мои мысли, собрала в кучу рекламные буклеты с красивыми картинками из разных стран и, чтобы не длить мучения, а уничтожить все надежды разом, выбросила всю эту красоту в мусорное ведро.

Не скучай без меня, Египет!

На следующий день, как и обещала, в девять часов утра я звонила в дверь квартиры Алевтины Прокофьевны.

■ Мне открыла пожилая женщина, при

виде которой я почему-то сразу вспомнила рассказы школьных учителей о няне Пушкина Арине Родионовне.

— Вам кого? — спросила няня.

— Я частный детектив, Татьяна Иванова. У меня на девять часов назначена встреча.

— Ах, да-да, проходите, пожалуйста, вас ждут.

Еще в прихожей я поняла, что моя ставочка, даже умноженная на два, здесь никого не смутит. Жили здесь люди далеко не бедные. Квартира была огромной и обставлена роскошно. Катайся на небольшом автомобиле, и тесно тебе не будет.

Арина Родионовна отвела меня в гостиную, одна стена которой представляла из себя сплошное окно, выходящее на какую-то террасу, назвать которую лоджией просто не поворачивался язык, где после недолгого ожидания я смогла лицезреть и саму хозяйку.

На этот раз Алевтина Прокофьевна выглядела намного лучше. Аккуратная прическа, легкий утренний, так сказать, гигиенический макияж и очень приличное домашнее платье. Именно платье, а не халат, и именно домашнее, потому что хотя оно и выглядело весьма презентабельно, но сразу

было понятно, что на улицу она в этом платье ни за что не выйдет.

— Добрый день, — произнесла хозяйка, и по отчужденному выражению, которое возникло на ее лице сразу же после того, как она меня увидела, я поняла, что она помнит инцидент в кафе и это ей неприятно.

Такое положение меня не очень устраивало. Ведь для того, чтобы как следует прояснить для себя все обстоятельства дела, я должна по возможности максимально сблизиться с клиентом, добиться того, чтобы он чувствовал себя свободно и испытывал ко мне полное доверие. Атмосфера скованности для откровенного разговора никак не подходила.

— Здравствуйте, — с открытой и располагающей улыбкой произнесла я. — Я частный детектив, зовут — Татьяна. Моя подруга Света, наверное, говорила вам...

— Да-да. Она сказала, что вы занимаетесь частными расследованиями, и очень рекомендовала вас.

— Надеюсь, что я действительно смогу вам помочь. Мой опыт расследований, в общем-то, достаточно велик — более двухсот раскрытых дел...

На лице Алевтины Прокофьевны появилось выражение некоторой надежды.

— Ох, как это хорошо! Только... — за-

думчиво протянула она. — Наше дело, возможно, покажется вам немного необычным... Видите ли, против моего сына выдвинуто обвинение, и... дело в том, что в милиции утверждают, что улики, доказывающие его виновность, неопровержимы... В общем, получается так, что, кроме меня и самых близких людей, которые хорошо его знают и даже мысли не допускают, что он может совершить преступление, никто не верит в его невиновность. — Она сделала паузу и достала из кармана носовой платок.

— Если вы подробно расскажете мне все обстоятельства дела, я попытаюсь найти способ помочь вам, — осторожно сказала я.

— Да-да, конечно. Андрей... мой сын... Так вот... Андрей всего лишь три месяца назад вернулся из армии. В общем-то, вы понимаете, мы легко могли устроить ему... ну, как это...

В моей голове сразу же возникло слово «отмазать», но я решила воздержаться от такой подсказки и выбрала более корректный вариант:

— Вы смогли бы сделать так, чтобы ему не пришлось служить?

— Ну да. Собственно, в этом нет ничего такого, все так делают, кто имеет воз-

можность. Но Андрей настоял на том, что он будет служить. Он вообще во всем старался проявлять самостоятельность и... как бы это сказать... хотел показать, что он настоящий мужчина. Это у него с самого детства, чуть ли не с детского сада. Всегда и во всем сам старался принимать решения. А уж если что решил — спорить бесполезно. Все равно сделает по-своему. Вот и с боксом с этим тоже...

— С боксом?

— Ну да, он в школе, классе в седьмом, записался в секцию. Домой приходил весь в синяках: «Я, мама, тренируюсь». Я переживала, конечно, расстраивалась, но что поделаешь, раз решил — отговаривать бесполезно. И хоть бы раз, хоть бы одно слово жалобы — нет, ничего. «Я, мама, тренируюсь...» А однажды пришел вообще весь синий и в кровоподтеках. Спрашиваю: «Сынок, что такое? Кто тебя?» — «Нет, ничего, это на тренировке». На тренировке... Мне-то зачем врать, я же вижу... Потом только выяснила уже через других людей, что это он из-за друга подрался. Друг у него — Игорь — тоже чуть ли не с детского сада дружат, так у него сердце больное, ему физические нагрузки противопоказаны. А мальчишки, им ведь, сами знаете, сердце не сердце, им — без разницы. Стали к Игорьку при-

ставать... Ну, а мой, конечно, вмешался. Как же — он ведь настоящий мужчина. Вот... Ну а когда постарше стал, начал техникой увлекаться, компьютеры там, беспроводная связь, ну и прочие такие вещи... Программированием тоже... даже победы одерживал на конкурсах. Он вообще мальчик не очень открытый, даже с нами, с родителями, о своих делах не распространялся... Но, с другой стороны, мы с мужем считаем, что у ребенка должен быть какой-то свой мир, в который родителям необязательно вмешиваться. Мы видели, что мальчик развивается нормально, каких-то порочных склонностей за ним не замечали, с разными подозрительными компаниями он не связывается. А уж когда начал увлекаться компьютером... Так почти все время у экрана проводил. Так что с этой стороны мы с отцом были спокойны.

— Вот вы сейчас упомянули о компаниях... У Андрея было много друзей?

— Из постоянных, пожалуй, только Игорь. А так, конечно, приходили к нему ребята и насчет компьютера, и так... но, насколько я могу судить, это были скорее просто приятельские отношения, чем тесные дружеские.

— А как он был связан с... тем человеком, которого убили?

— Ах, с ним... С ним Андрей познакомился еще в боксерской секции... Возможно, вы посчитаете мое мнение предвзятым, но это был очень неприятный тип. Я видела его всего несколько раз мельком. Как-то он поздоровался с Андреем на улице, ну и еще пара таких мелких случаев. Он произвел на меня неблагоприятное впечатление. Да и сам Андрей не питал к нему никаких дружеских чувств. Насколько я знаю, у них была какая-то давняя ссора, и после этого они не поддерживали отношений... Собственно, это и использует милиция в качестве одного из аргументов против моего сына... — Голос Алевтины Прокофьевны задрожал, но она снова сумела справиться с волнением. — Но если каждого, кто с кем-то поссорится, обвинять на этом основании в убийстве...

— А вашего сына обвиняют именно на этом основании?

— ...Не совсем... Видите ли, до армии у Андрея была девушка... ну а когда он ушел служить... в общем, она стала с Олегом встречаться.

— Олег — это тот, кого убили?

— Да.

— И мотивом преступления следствие считает месть.

— Да.

— Но вы думаете, что это не так?

— Разумеется, это не так! Это совершенно не в характере Андрея, и вообще... Конечно, я понимаю, вы не знакомы с моим сыном и думаете, что я просто как мать хочу защитить его, но даже если принять в качестве мотива эту самую месть, то как вы объясните, что мой сын, узнав о том, что Света ушла от него к Олегу, решил осуществить эту месть только сейчас? Ведь он три месяца назад пришел домой! Почему сразу не отомстил?

Вопрос был резонный. Хотя и мотив довольно правдоподобный. Вот и разберись, кто тут прав, кто виноват.

— Андрей и Света долгое время были вместе?

— Точно вам не скажу, но приблизительно года два. Она училась в параллельном классе.

— Света бывала у вас дома? Как вы ее находите?

— Ничего... ничего, приятная девушка.

Алевтина Прокофьевна отвела взгляд, и я поняла, что она несколько лукавит. Наверное, она и сама догадалась, что я заметила это, поскольку после небольшой паузы тряхнула головой и продолжала уже в прежнем своем естественном тоне:

— Впрочем, не буду скрывать, она не

очень мне нравилась. Вы можете приписать это так называемой материнской ревности или решите, что я говорю так потому, что она ушла к другому, но уверяю вас — впечатление мое сложилось задолго до случившегося разрыва. Света — миловидная спокойная девушка, и, в общем-то, ничего явно отрицательного в ее поведении я никогда не замечала, но сердцу, как известно, не прикажешь, и настоящего, искреннего расположения я к ней никогда не чувствовала. Я вам даже больше скажу — я скорее обрадовалась, чем огорчилась, когда узнала, что она теперь встречается с Олегом. Конечно, я понимала, что это расстроит сына, но знаете — время проходит, и все забывается, и я несколько не сомневалась, что мой мальчик сможет найти себе действительно подходящую пару.

— Где находился ваш сын в момент убийства?

— Когда Андрюша вернулся из армии, он настоял на том, что будет жить отдельно, — я ведь говорила вам, что он во всем стремился к самостоятельности. Мы сняли ему небольшую квартиру недалеко от центра, он моментально всю ее завалил техникой — разными штуками для компьютера — и иногда целые сутки не отходил от монитора. Говорил, что, пока был в армии,

многое пропустил и теперь хочет наверстать. В этот день он тоже работал у себя, и, разумеется, никто не может подтвердить, что это было именно так, а не иначе... В общем, положение отчаянное...

В этот раз Алевтина Прокофьевна не смогла сдержаться, и носовой платок пришлось как нельзя кстати. Признаюсь, я и сама находила положение довольно затруднительным. Как хотите, а и наличие мотива, и отсутствие алиби — все это пока не в пользу моего предполагаемого клиента. Но, разумеется, перед женщиной, единственный сын которой арестован по обвинению в убийстве, я не стала развивать эту мысль.

— Понимаю ваше беспокойство, но могу сказать, что в своей практике я сталкивалась и с более безнадежными ситуациями, которые в конце концов положительно решались, — попыталась я воздействовать на эмоциональность рациональностью. — Поэтому думаю, что пока вам не стоит терять надежду, тем более если вы уверены, что ваш сын этого преступления не совершал.

Увы! Утешение у меня получилось не очень убедительное, поскольку после моих слов Алевтина Прокофьевна надрывно вос-

кликнула: «Конечно не совершал!» — и зарыдала уже в голос.

Дверь в гостиную приоткрылась, и из-за нее показалось обеспокоенное лицо Арины Родионовны. Неприязненно взглянув на меня, она подошла к своей хозяйке, протянула стакан воды и начала успокаивать:

— Ничего, ничего, Аннушка... ничего, ступай.

Арина Родионовна, она же Аннушка, снова враждебно глянула на меня и удалилась.

— Извините, — сказала Алевтина Прокофьевна, сделав несколько глотков воды и немного успокоившись. — Все это так тяжело...

— Ну что вы, какие могут быть извинения... А ваш сын, что он сам говорит обо всем этом?

— Ах... после того, как его арестовали, мы и виделись-то всего один раз... Что говорит?.. Говорит, что все время был дома, занимался на компьютере, что никого не убивал... Он этого Олега и не видел ни разу после того, как из армии вернулся.

— А какие у него предположения — кто это мог сделать и почему?

— Вы знаете, я тогда была просто в шоке, поэтому о предположениях не расспрашивала, но если бы они были, он, навер-

ное, сам рассказал бы о них, не мне, так своему адвокату... Нет, навряд ли у него есть какие-то предположения... Я ведь говорила вам, что они и раньше почти не общались с этим Олегом, а уж после того, как прошло столько времени, после армии и тем более... Нет, вряд ли Андрей мог знать о его делах.

— Вы сейчас упомянули об адвокате... вы не могли бы дать мне его координаты? Возможно, мне нужно будет встретиться с ним в ходе расследования.

— Да, конечно. Я думаю, что контактировать с адвокатом вам будет просто необходимо, ведь если выяснятся какие-то обстоятельства, свидетельствующие в пользу моего сына, об этом немедленно нужно будет сообщить Алексею... Алексей Лавровский — это наш адвокат. В общем-то, он Алексей Петрович, но, поскольку он ненамного старше моего сына, я называю его просто Алексей. Хотя он и молод, он весьма перспективный специалист, мужу его очень рекомендовали... Совсем недавно Алексей Петрович блестяще выиграл похожее дело.

— Еще один вопрос... Он несколько бестактный, но не обижайтесь, пожалуйста.

— Спрашивайте.

— Неужели ваш муж не имеет доста-